

УДК 39

DOI: [10.31029/vestiyali25/9](https://doi.org/10.31029/vestiyali25/9)

КУБАЧИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ (Собирательские практики, продажи, изучение искусства промысла)

А. Дж. Магомедов,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Д. А. Дагирова

Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи

Статья о сотрудничестве кубачинских антикваров с Государственным Эрмитажем при формировании ряда его коллекций, продажах экспонатов музею, в изучении кубачинского искусства. Показана роль академика И. А. Орбели, завотделом Востока ГЭ А. А. Иванова, кубачинского мастера Р. А. Алиханова в этом деле. Продемонстрированы кубачинские традиции собирательства антикварных ценностей, их значение в сохранении культурного наследия Дагестана.

Ключевые слова: селение Кубачи, Государственный Эрмитаж, академик И. А. Орбели, А. А. Иванов, Р. А. Алиханов.

The article analyses the cooperation of the Kubachi antiquaries with the State Hermitage Museum in the formation of a number of its collections, the sale of exhibits to the museum, and the study of Kubachi art. The role of Academician I. A. Orbeli, head of the East Department of the State Hermitage Museum A. A. Ivanov, and Kubachi master R. A. Alikhanov in this matter is shown. The Kubachi traditions of collecting antique values and their importance in preserving the cultural heritage of Dagestan are demonstrated.

Key words: the village of Kubachi, the State Hermitage Museum, Academician I. A. Orbeli, A. A. Ivanov, R. A. Alikhanov

История формирования коллекций о Дагестане, о художественной культуре его народов в центральных музеях страны плохо изучена. Такая практика началась еще в XIX в. В центральные музеи поступило немало антикварного оружия с Кавказа во второй половине XIX в. Как писала известная исследовательница кавказского оружия Э. Г. Аствацатурян, в крупные музеи страны – Артиллерийский, Царскосельский арсенал в Петербурге, Кавказский музей в Тифлисе (ныне Государственный музей Грузии им. академика С. Н. Джанашиа) – кавказское оружие стало поступать уже в середине XIX в., а в другие музеи (Государственный исторический музей, Музей этнографии в Петербурге (отделение Русского музея) – в конце XIX в. [3, с. 4].

Пополнение коллекций музеев часто шло через поставщиков, собирателей, предлагающих музеям антиквариат. В этом плане особой активностью стали отличаться в начале XX в. кубачинцы. К такой форме торговли подключились позже (вторая половина XX в.) и жители других дагестанских сел – Губдена, Балхара.

Интерес кубачинцев к собирательству, коллекционированию и торговле антикварными ценностями был тесно связан с историческими традициями их художественных производств. Трудно определить, когда оно началось. На вопрос: «Откуда же добывали кубачинцы свои антики?» известный этнограф Е. М. Шиллинг писал, что «украшать жилища подобным образом издавна было в обычаях кубачинцев, охотно приобретающих во время своих торговых поездок попадавшиеся им старинные, особенно металлические вещи» [20, с. 24]. Эту

традицию Е. М. Шиллинг связывал с исторической культурой кубачинцев, сформировавшей у них интерес к «старине» и стремление собирать антикварные вещи для дома.

Первые документальные сведения на эту тему относятся ко второй половине XIX в. Известный российский географ профессор Д. Н. Анучин, побывавший в Кубачи в 1882 году, был удивлен многочисленным изделиям антикварного характера, которые он там видел. Некоторые из таких изделий приносили ему для продажи. По его словам, в кубачинских коллекциях «многие сосуды сходны с подобными же старинными персидскими, но другие представляют чисто европейский стиль и составляют, очевидно, оригиналы или копии старинных изделий западной Европы» [2, с. 58]. Он узнал у жителей, что «много хороших вещей уже у них было куплено» местным наибом по поручению «начальника округа». Дело в том, что начальник Кайтаго-Табасаранского округа имел поручение от начальника Кавказского военно-народного управления (1868–1877) генерала А. В. Комарова приобрести «несколько образцов («хороших вещей» по тексту. – А. М.) для тифлисского музея [2, с. 58]. Укажем, что Кавказский музей открылся в 1867 году [22, с. 849], и с этого времени стали вестись и организованные закупки для него. К этому делу, как можно заметить по данным Д. Н. Анучина, подключились даже высокие правительственные чины Кавказа. Отдельные кубачинские антикварные изделия, поступившие в этот музей, в 1902 году были изданы в книге директора Кавказского музея Г. И. Радде. Это был кубачинский бронзовый котел и два дагестанских медных сосуда (кувшины) [12, с. 198, 199]. На основе этих сведений можно предположить, что в Кубачи началось активное собирательство антиквариата. Такую активность можно отнести к последней трети XIX в.

Почти все исследователи (этнографы, краеведы) о Кубачи обращали внимание на то, что у каждого кубачинца есть свой домашний музей. Формирование такой традиции собирательства относится к ранней, чем XIX в., эпохе. В парадной комнате, где размещался такой музей, с правой стороны от домашнего камина была целая стенка, как правило, увешанная тарелками и большими подносами. В самом верхнем ряду висели большие «багдадские и испикские полихромные блюда». У каждого кубачинца были также «иранские, китайские, турецкие тарелки и вазы» [4, с. 76].

Антикварная торговля развилась в Европе и в России с XVIII в. Она породила собирательство на местах, а также ремесло изготовителей копий, имитаций антикварных ценностей. Вторая половина XIX – начало XX в. в этом плане выделяется особо. Так, еще в середине XIX в. отличились созданием имитаций антикварных ценностей небольшие мастерские в Германии и Франции [13, с. 197].

Практика антикварной торговли, как можно судить по наблюдениям цитированного выше Д. Н. Анучина, стимулировала не только собирательство, но и промыслы по созданию имитаций антикварных изделий. На первом этапе мастера делали имитации медночеканных изделий и оружия, а в конце XIX в. стало широко практиковаться изготовление бронзовых изделий с насечкой серебром. На более раннем этапе в Кубачи получили развитие и промыслы по изготовлению имитаций русских монет, пользовавшихся хорошим спросом у купцов, торговавших с Россией [14, с. 142–159]. При этом для этих целей кубачинцы использовали серебро повышенной, чем в русских монетах, пробы.

Со своими изделиями кубачинцы в начале XX в. стали ездить в столичные города России и в европейские страны. В начале XX в. в Кубачи начался бум собирательства и заграничных поездок с антиквариатом и их имитациями. Железная дорога, соединившая в конце XIX в. Дагестан с центром России, стимулировала такую торговлю. Благодаря инициативам парижских коллекционеров кубачинцы большей частью в это время были ориентированы на заграничные поездки. Хотя при этом многие ездили и в Москву, Санкт-Петербург, Бухару, Стамбул и Тебриз. Перечислим некоторых кубачинских антикварщиков, ездивших в европейские столицы в начале XX в.: Омаратта Гаджизакариев (Абдулгапуров) (старшина села, избиравшийся на эту должность с 1880 по 1917 годы), его брат Гаджизакария, Гасан Палачев, Саид Магомедов, Гаджиibraгим Гидаев, Магомед Джалилов, Бахмуд

Ибрагимов, Магомед Канатов, Расул Магомедов, Гаджи Чупанов [1, с. 52–59]. Активность антикварщиков была значительной. Так, Чамкур Акутаев совершил до революции 19 поездок в Париж [1, с. 56]. В Париже с антиквариатом для продажи три раза побывал и известный дагестанский поэт, кубачинский мастер Мунги Ахмед (1843–1916). Свои впечатления о Париже он выразил и в оригинальных стихах [4, с. 164–167].

С тех пор у кубачинцев сложилось особое отношение к Парижу. Кубачинки и сегодня, рассказывая о тарелках, нередко упоминают французские тарелки *париж хамла* (букв. – «парижская тарелка»). Речь о фарфоровых тарелках, выполненных во Франции, как подражание китайскому фаянсу средневекового времени. Такие тарелки попадали в Кубачи через земляков, ездивших туда в начале XX в. Из Парижа кубачинцы привозили также шали с бахромой, ткани. В кубачинском языке из того времени закрепилось несколько слов: *паранг ккутИне* («шали с бахромой»), *париж мас* («парижская ткань») [1, с. 21], *расул клаз* (букв. – «накидка Расула»); это была белая ткань, названная именем кубачинского торговца Расула Магомедова, которую кубачинки использовали для изготовления накидок) [15, с. 130].

В начале XX в. собирательство музейных ценностей стало расширяться на всем Кавказе. Собрание изделий народных мастеров для коллекций кустарных (и этнографических) музеев России (Кавказского музея в том числе) стало, например, важной сферой деятельности Кавказского кустарного комитета, организованного в Тбилиси в 1900 году. Как пишет исследователь М. В. Карташова, «чисто кустарные музеи» в европейских столицах в конце XIX в. отсутствовали, а в России этот вид музеев появляется уже в конце XIX в. и набирает свою силу в последние годы существования империи [10, с. 18, 19]. Рост числа таких музеев стимулирует собирательскую активность населения.

Начало XX в. стало и периодом активности перекупщиков-посредников в антикварной торговле. Многие из них не только коллекционировали для себя, но и перепродавали антикварные ценности в музеи, своим землякам. «Примерно с 1895 г. в с. Кубачи стали приезжать из-за границы представители антикварных фирм и скупать здесь различные старинные вещи. Это привело к тому, что и сами кубачинцы начали выезжать за границу для самостоятельной продажи предметов старины» [19, с. 24]. Позже «кубачинцы стали деятельно пополнять свои прежние запасы антиков», что мы уже отметили выше. Они начали ездить по селениям и городам Дагестана, Азербайджана, Грузии, Ирана и покупать там старинную утварь, оружие, ткани, ковры, и т. п., пополняя запасы своих «товаров» для поездок [20, с. 24, 25]. Посредниками и переводчиками кубачинцев в самом Париже были армяне. Известны имена парижских коллекционеров тогдашнего времени – Мирзикиз, Келекян-хан. Не было случайным, что основным центром поездок торговцев из с. Кубачи с антиками в начале XX в. становится Париж. Кубачинцев интересовали и другие европейские столицы. По рассказам, записанным краеведом, известным мастером Р. Алихановым, кубачинцам особенно нравился Лувр [1, с. 52]. Это и понятно, так как их всегда интересовали изделия прикладного искусства.

Ситуация резко изменилась после революции. Уже нельзя было ездить за границу. Однако кубачинские антиквары бережно хранили собранные резные камни, другие изделия «до лучших времен». С переходом к НЭПу стало легче ездить в центральные города страны. Как писала искусствовед Э. В. Кильчевская, «в 20–30-е годы XX века в центральные и кавказские музеи из с. Кубачи стали поступать огромное количество разнообразных предметов местного декоративного искусства, богатейшие коллекции кубачинского резного камня, дерева, серебряных изделий, бронзы и меди, керамики и текстиля» [11, с. 6].

После НЭПа для антикварщиков опять наступили тяжкие времена. Такая деятельность была запрещена законом. Все подобные ценности были объявлены национальным достоянием, поэтому коллекционеры Кубачи, которые собирали резной камень, вынуждены были отдать их Дагестанскому краеведческому музею за небольшое вознаграждение в виде ткани (бязь).

В советскую эпоху начинается сотрудничество собирателей Дагестана с Государственным Эрмитажем, который стал обращать на Дагестан все большее внимание. В этой связи для освещения истории сотрудничества Кубачи с Государственным Эрмитажем инте-

рес для нас представляет устный материал. В свое время известный дагестанский искусствовед Н. П. Воронкина говорила о том, что в Эрмитаже в 1930-е годы была организована большая выставка экспонатов Дагестанского музея под названием «Древности и археология Дагестана». После выставки многие экспонаты из Кубачи были переданы Эрмитажу. Республиканскому музею взамен в виде компенсации были переданы экспонаты по изобразительному и декоративному искусству из запасников Государственного Эрмитажа. Практика таких передач экспонатов из музея в музей в те годы стала обычным явлением. О большой работе по пополнению фондов Эрмитажа в эти годы свидетельствует и история его отдела Востока [7]. Более глубокое изучение этого вопроса в будущем. Известно также, что в те годы в советском музейном деле появилось много нового. Музейное дело в 1930–1940-е годы было полностью поставлено государством себе на службу [18].

Важным этапом пополнения фондов отдела Востока Эрмитажа кубачинскими экспонатами стала поездка члена-корреспондента АН СССР, заведомо Востока Эрмитажа, академика И. А. Орбели (1887–1961). Он был в Дагестане в 1928 году и ездил в Кубачи, где останавливался у известного коллекционера Расула Магомедова, ставшего его кунаком. У И. А. Орбели сложились хорошие отношения и с Наркомом просвещения республики А. А. Тахо-Годи, который курировал открытый в 1925 году Дагестанский краеведческий музей. Благодаря поддержке А. Тахо-Годи И. А. Орбели смог изучать многие старинные памятники Дагестана, Кубачи в том числе [5, с. 9].

Во время своей поездки в Кубачи И. А. Орбели взял на учет более 100 памятников средневекового камнерезного искусства, часть из которых поступила в созданный в 1926 году отдел истории и культуры и искусства Востока Эрмитажа, возглавляемый им [16, с. 20]. О том, когда и как эти учтенные И. А. Орбели «кубачинские камни» поступили в Эрмитаж, нам не удалось найти информацию. Возможно, вначале они поступили в Дагестанский краеведческий музей и оттуда в Эрмитаж. Передача таким образом многих художественных ценностей дагестанского происхождения в Эрмитаж способствовала популяризации дагестанского искусства на российском и мировом уровнях. Можно говорить и о том, что такое изъятие обеднило фонды молодых дагестанских музеев, которые потом стали активно пополняться – с созданием Дагестанского музея изобразительных искусств.

С 1960-х годов начался новый этап сотрудничества кубачинцев с Эрмитажем. Он связан с именем известного востоковеда, ираниста, человека высокой культуры А. А. Иванова (1929–2020), который 17 лет заведовал отделом Востока Эрмитажа. А. А. Иванов всю свою сознательную жизнь (64 года) проработал в этом музее. Он еще в 1954 году, будучи аспирантом, пришел в отдел Востока Эрмитажа, где стал хранителем нескольких основных коллекций исламского искусства, а в 1984 году он был назначен заведующим этого отдела и прослужил до 2000 года.

А. А. Иванов принимал активное участие в научной и экспедиционной работе, в международном сотрудничестве Эрмитажа. Он часто ездил в археологические, этнологические экспедиции в Дагестан. Иванов стал здесь большим другом кубачинцев. Кубачи стало одним из главных направлений его исследований и путешествий. Это село, расположенное в горной местности Дагестана, знаменитое своими корнями, а также известное как центр торговли произведениями искусства, привлекало его уникальными художественными традициями. В 2009 году благодаря А. А. Иванову в Эрмитаже была открыта постоянная экспозиция искусства Кубачи XIV – начала XX в. Выставка стала важнейшим результатом его поисков по искусству Кубачи.

А. А. Иванов всегда подчеркивал связь своих поисков с ранними исследованиями академика И. А. Орбели. По его словам, в изучении искусства с Кубачи «особое место занимает статья И. А. Орбели, повлиявшая на все последующие работы об интересующих нас памятниках (речь о бронзовых котлах и каменных рельефах. – А. М.)». Упоминается статья Орбели «Албанские рельефы и бронзовые котлы XII–XIII вв.» [17].

Особая страница культурных связей Эрмитажа и Кубачи – это сотрудничество в деле формирования коллекций иранской средневековой керамики (фаянса), приобретение музеем

многих экспонатов иранской «кубачинской» керамики в Кубачи и у кубачинских поставщиков. История коллекционирования фаянсовой и фарфоровой посуды (блюда, чаши и др.) кубачинцами – вопрос плохо изученный. Ценным исследованием по искусству иранской «кубачинской» керамики является диссертация Т. В. Шлыковой, защищенная ею в 2010 году. По ее данным, в Эрмитаже сегодня хранится около четырехсот экземпляров «кубачинской» керамики и «это лучшая, непревзойденная в мире ее коллекция. Достаточно сказать, что вторая по значимости коллекция «кубачинской» керамики, находящаяся в Музее декоративного искусства в Париже, насчитывает порядка лишь восьмидесяти памятников» [21, с. 17]. Небольшая группа вещей, купленных в 1913–1914-е годы Эрмитажем у жителя Кубачи Расула Магомедова, послужила основой этого собрания.

Значительно обогатилась коллекция иранской керамики в 1920-е годы. После того, как И. А. Орбели стал основателем отдела Востока и потом директором Государственного Эрмитажа (1934–1951), он инициировал ежегодные закупки тех или иных антикварных вещей в Дагестане. Так, в 1928 году И. А. Орбели и молодой исследователь Л. Т. Гюзальян, когда они были в Кубачи, купили у населения немало иранской керамики. Именно в результате такой дальновидной деятельности, по мнению Т. В. Шлыковой, в Эрмитаже сложилась непревзойденная коллекция «кубачинской» керамики. Кубачинцы Саид и Расул Магомедовы стали, как писал А. А. Иванов, «поставщиками отдела Востока Государственного Эрмитажа», они продавали керамику от своего имени и выступали как посредники [26, с. 17].

После Великой Отечественной войны больших поступлений таких памятников в эрмитажное собрание уже не было, хотя и продолжались их покупки у кубачинцев [21, с. 18], и нередко – очень ценные. Так, в 1973 году от кубачинца Расула Омарова в Эрмитаж поступило блюдо с надписью, содержащей указание о времени и месте его производства, оно представляло большую научную ценность.

Важным открытием, сделанным Т. В. Шлыковой, стало выявление в кубачинских промыслах самодеятельной, народной по характеру реставрационной практики, сформировавшейся здесь во второй половине XIX – первой четверти XX в. Исследователь сопоставила ее с принятой в настоящее время профессиональной реставрационной практикой и показала, что реставрация, проводившаяся кубачинцами, далека от реставрации в «ее сегодняшнем понимании», и к ней не применимы такие современные критерии, как неприкосновенность подлинника и обратимость, инертность и долговечность реставрационных материалов. Однако, опираясь на результаты изучения данной практики в широком историческом контексте, можно утверждать, что кубачинцы выработали уникальные традиции народных форм реставрации таких изделий. Данная практика, по оценке Т. В. Шлыковой, исключает случаи подделок и фальсификаций. «Приемы и методы, практиковавшиеся кубачинцами, обладают рядом общих черт, известной обособленностью, что выводит эту практику в ряд историко-художественных явлений. Используемые кубачинцами в процессе реставрации материалы и способы их применения могут быть рассмотрены как косвенные указания на подлинность предмета» [21, с. 18]. Интересно отметить и то, что в сегодняшнем Кубачи начали возрождаться эти традиции.

Отдельная страница взаимоотношений кубачинской культуры с Эрмитажем – это подготовка и издание А. А. Ивановым совместно с А. А. Алихановым красочного альбома «Искусство Кубачи» (Л.: Художник РСФСР, 1976). Вплоть до смерти своего друга Расула Алиханова (1922–2000) Анатолий Алексеевич общался с ним и как с информантом, и как коллегой, и как соавтором названной выше книги. Эта книга с научной статьей самого Иванова [6, с. 164–193] и скромно названными «записками мастера» Расула [1, с. 8–63], а также красочными иллюстрациями, подобранными очень вдумчиво и грамотно по теме А. А. Ивановым, стала уникальным явлением в искусствоведении, результатом творческого тандема двух культурологов, объединивших свои поиски. Книга высококлассного специалиста-востоковеда и народного мастера Кубачи, полиграфически хорошо изданная, она получила содержатель-

ной в научном плане и выразительной внешне. Из достаточного значительного круга альбомов по Дагестану, это одно из лучших, если не лучшее издание.

В альбоме при подборе материала для иллюстраций авторами были использованы несколько видов источников: фонды Государственного Эрмитажа, фонды госмузеев Дагестана, материалы известного коллекционера С. Н. Ханукаева, произведения из частных собраний, фото надгробных памятников на старых кладбищах, архитектурные вставки в отдельных домах из с. Кубачи. В связи с нашей темой интерес представляют экспонаты из Государственного Эрмитажа. По подписям к иллюстрациям книги нами было определено количество этих экспонатов. Они разделены нами на 5 групп: кубачинские «камни»-рельефы – иллюстрации 26–31, 33–34, 44, 46, 124, всего – 11; бронзовые (медные) литейные котлы – 36, 39–41, 47, всего – 5; медночеканная посуда – 66, 67, 71, 72, 74, 77, всего – 6; художественное оружие – 89, 90, 92, 96, 98, 99, 101, 103, всего – 8; подражания «антикам» – 78, 84–86, 88, всего – 5.

Такая группировка позволяет показать характер поступлений антикварных ценностей из Кубачи в Эрмитаж в историческом прошлом. Хотя эта задача А. А. Ивановым в книге специально не ставится, тем не менее, важно обратить внимание и на такой результат исследования.

Альбом стал не просто собранием фотоматериалов об изделиях кубачинских мастеров разных эпох, но и благодаря статьям обоих авторов, предваряющее и завершающее замечательную книгу, он стал своеобразной монографией о кубачинском искусстве. В книге показано многообразие явлений искусства с. Кубачи, отмечены его наиболее важные проблемы, на которые надо обратить внимание и продолжить их исследование. К сожалению, мы не можем сегодня более подробно говорить о том, как писалась эта книга.

Изучение искусства Кубачи под влиянием Эрмитажа приобретает и другие формы. Так, в 2017 году был заявлен и Проект на конкурс грантов Президентского фонда, который предусматривал издание альбома «Искусство Кубачи в Эрмитаже». В нем должны были быть представлены уникальные образцы искусства аула мастеров Кубачи, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Проект преследовал цель подробно осветить культурное наследие кубачинцев, хранящееся в Государственном Эрмитаже. Это экспонаты, датируемые ранним средневековьем (XI–XII вв.) и нашими днями. В альбоме должны были быть представлены самые лучшие образцы изделий, наиболее полно раскрывающие особенности творческого почерка кубачинских златокузнецов. При этом планировалось отдельно выделить в альбоме предметы прикладного искусства авторской работы, изготовленные в селении Кубачи для императорской семьи, в том числе к 300-летию дома Романовых. Всего же по данным авторов проекта, в Эрмитаже более 2000 экспонатов из Кубачи, 200 из них составляет резной камень средневекового времени [8]. Проект не был поддержан, но заявка позволила еще раз акцентировать внимание общественности на важном историческом явлении.

Остановимся и на влиянии Эрмитажа в формировании пиететного отношения кубачинцев к исторической культуре, к антиквариату, к собирательской работе. В этой связи отметим, что отдельным феноменом кубачинской истории последней трети уже XX в. стало то, что под влиянием мужей, дедов, заложивших традиции собирания антикварных изделий, приобщились к собирательству и многие кубачинские женщины. В советское время такие промыслы не поощрялись (статья о спекуляции с начала 1930-х годов преследовала торговцев). Поскольку это была частная базарная торговля, за которой ОБХСС не всегда мог уследить, данным видом торговли все чаще стали заниматься кубачинские женщины. Учитывая атмосферу времени, мужчин надо было «беречь» от преследования со стороны ОБХСС. Кроме того, многие мужчины были заняты работой в местном художественном комбинате, и такое разделение труда было естественным. Надо учесть и то, что с «тарелками и чашами» как с посудой исторически более были связаны женщины. К слову, многие мелкие промыслы вообще не описаны в литературе, по ним не собирался полевой материал. Сегодня трудно найти даже информанта по ранней эпохе (1930–1950).

Под влиянием кубачинских традиций активно подключились к таким промыслам и женщины – жены отходников-ювелиров кубачинцев, которые с 1950-х годов стали выезжать

на заработки в Азербайджан, Грузию, среднеазиатские республики и на Северный Кавказ. Они тоже по традиции прошлого искали и покупали в местах проживания какие-то антикварные ценности.

В Кубачи хорошо помнят собирателей, «специалистов по тарелкам» и другим антикам: Манабу Алиханову (Амирхъалла), Гаджияйшу Изабакарову, Хадижат Машанаеву (Мирзахъалла), Аминат Караеву, Амантуллу Абдурахманову (Шихумова), Патимат Ахмедову (Къунахъхъалла), Райганат Омарову (Къясхъалла), Манабу Магомедову (Чакъвяммахъалла), известных в Кубачи тем, что смогли собрать уникальные домашние музейные коллекции произведений прикладного искусства. Этим они способствовали и возвращению коллекционного наследия жителей с. Кубачи, проданного в обмен на зерно и другие продукты в голодные годы в соседние земледельческие села.

В 1960–1980-е годы и позже кубачинские женщины обошли практически все села Дахадаевского и соседних районов (Акушинский, Кайтагский и др.) в поисках антикварных ценностей, особенно «тарелок» (блюд, чаш). Особый интерес у них вызывала иранская керамика, попавшая в эти села в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Их вынужденно продавали кубачинцы, обменивая на зерно и другие продукты. Женщины ходили пешком в села парами, чтобы было безопасно. Сегодня трудно понять, как оценивали соседние даргинки ценность таких вещей. Возможно, еще с дореволюционных времен многие из них были наслышаны о том, что кубачинцы хорошо зарабатывают, продавая их за высокую цену.

В 1980-е годы под влиянием инициатив кубачинских женщин в Кубачи стала развиваться по базарным дням (базары проходят здесь и сегодня еженедельно – в среду и четверг) торговля литыми котлами, различной медной посудой, произведенной в азербайджанском селе Лаич, в лакских медницких промыслах или в самом Кубачи. Привозили на базар эти товары женщины из соседних сел, зная, что кубачинцы покупают их. Женщины из соседних сел также научились «на прикидку» оценивать такие изделия.

Кубачинцы, выезжая до революции в разные села, кроме тарелок собирали и вышивки, получившие позже в научном мире название «кайтагских», старинные парчовые ткани, платки. Их предлагали центральным музеям, в частности, этнографическому отделу Русского музея в Санкт-Петербурге, преобразованному позже в Государственный этнографический музей. В советское время коллекции восточного антиквариата стал накапливать и Музей Востока (ныне Государственный музей искусств народов Востока), куда кубачинцы также предлагали свои товары.

Особая заслуга в развитии кубачинского антикварного собирательства послевоенных десятилетий принадлежит ленинградскому коллекционеру С. Н. Ханукаеву, который во второй половине 1950-х годов стал приезжать в Дагестан. Он разъезжал по селам Дахадаевского района, так или иначе связанных с Кубачи, собирая (скупая) антикварные вещи, в том числе иранскую расписную керамику. Собирал он антикварные вещи и в самом Кубачи, что стимулировало кубачинских женщин к самостоятельным поискам. Кунаком и провожатым С. Н. Ханукаева и часто консультантом был известный кубачинский коллекционер Расул Омаров. Впоследствии часть этой коллекции (иранские фаянсовые изделия) сын С. Н. Ханукаева издал в 2015 году в виде исследования и ценного сборника фотоматериалов [19].

В каталоге Р. Ханукаева представлены произведения «персидского искусства XV–XIX веков». Автор пишет, что «литературы, посвященной этим вопросам, на русском языке очень мало, преимущественно статьи» [19, с. 5]. Видимо, автор не знал о диссертации Т. В. Шлыковой (об иранской «кубачинской» керамике), защищенной в 2010 году. По этой причине о проблемах этого типа керамики он ничего не пишет. Тем не менее каталог Р. Ханукаева сегодня стал для многих кубачинцев настольной книгой, позволяющей им расширять свои знания об иранской керамике, более детально разбираться в «тарелках», которые они бережно собирают и хранят для дочерей и внуков.

Р. Ханукаев пишет в книге и о частных кубачинских коллекциях иранского фаянса, называет имена коллекционеров – Р. Омарова, Г.-О. Изабакарова, З. Дадаевой. Этот список

можно расширить. Заметим, что многие кубачинки сегодня имеют в домашних музеях от 10 до 20 тарелок и чаш иранского происхождения.

С. Н. Ханукаев нередко предлагал свои приобретения и Государственному Эрмитажу. Он хорошо был знаком с А. А. Ивановым, который часто его консультировал. Дело заключалось еще в том, что А. А. Иванов был большим бесребреником. При том, что слова «музей, закупка, комиссионные для эксперта», «лоббирование членов закупочных комиссий» не являются сегодня пустыми словами. А. А. Иванова, который долгое время работал в одном из главных отделов Государственного Эрмитажа, нельзя было уличить в различных «закупочных играх». Совершенно бескорыстно каждому он с научной тщательностью объяснял историческое и культурное значение экспоната. Возможно этим пользовались его знакомые. Сам А. А. Иванов никогда не давал повода для участия в «закупочных играх». Друзья хорошо знали его скромность и порядочность и всегда обращались к нему. А. А. Иванов был специалистом, экспертом высочайшего класса, членом различных худсоветов и закупочных комиссий.

Кубачинские частные коллекции, в том числе коллекции иранского фаянса, могут быть темой самостоятельной статьи. Однако очевидно то, что кубачинцы своими инициативами по сбору, коллекционированию, передаче (продаже) в Эрмитаж изделий иранского фаянса способствовали сохранению уникальных произведений средневекового искусства Ирана (в российском искусствознании названа «иранской «кубачинской» керамикой»). Делая выводы, хочется еще раз подчеркнуть, что кубачинские антиквары увековечили себя в российском научном мире и музейной культуре. Как справедливо пишет исследователь Т. В. Шлыкова в своей диссертации, «кубачинская» керамика – «одна из немногих разновидностей исламской художественной керамики, которая дошла до нас в достаточном количестве, в то время как о большинстве составляющих ее групп исследователям приходится судить по немногочисленным сохранившимся образцам и даже их фрагментам. Государственный Эрмитаж обладает коллекцией «кубачинской» керамики, не имеющей аналогов в других музеях России и зарубежных стран по художественному уровню, разнообразию вариантов росписи и количеству выдающихся произведений» [21, с. 17].

Семейная традиция вешать на стену старинную посуду сохраняется и во многих городских семьях кубачинцев. Кто жил в городах, создавал «стенки тарелок» и в квартирах-секциях. Например, такая «стенка тарелок» была на квартире в Тбилиси и у известной грузинской и дагестанской художницы Манабы Магомедовой. Дочь М. О. Магомедовой – художник Лейла Изабакарова – рассказывала нам, что, «когда сотрудник Эрмитажа А. А. Иванов бывал в Тбилиси, он обязательно приходил к нам в гости... Дома у нас висели иранские тарелки, которые он описывал. Это произвело на меня, девочку тогда, огромное впечатление» [9].

В последние годы кубачинцы активно «взялись» и за Интернет. Так, некоторые из них изучают «блошинные» рынки Европы, выписывают по каталогам популярные в Кубачи вещи антикварного характера и продают своим землякам.

Таким образом, кубачинцы, кроме своей известности народными художественными промыслами, сумели обеспечить себе имя также традициями собирательства, коллекционирования и даже реставрации антикварных вещей. Они помогли крупнейшему музею мира – Государственному Эрмитажу – в пополнении многих фондов такими ценнейшими экспонатами, как резной камень средневекового времени, парадное оружие, персидская «кубачинская» керамика и др. Со своей стороны, Государственный Эрмитаж сделал многое для популяризации искусства с Кубачи. В 2009 году здесь была открыта постоянная экспозиция «Искусство Кубачи», а сотрудник Эрмитажа, востоковед А. А. Иванов был составителем красочного альбома «Искусство Кубачи».

*Мы выражаем признательность автору книги
«Кубачинские рельефы: новый взгляд на древние камни»
З. В. Доде, художнику Л. К. Изабакаровой.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алиханов Р. А.* Кубачинские очерки: записки мастера // Искусство Кубачи / сост. А. А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 8–63.
2. *Анучин Д. Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского русского географического общества // Известия Императорского русского географического общества. Вып. 4. СПб., 1884. Т. XX. С. 357–449.
3. *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. СПб.: Атлант, 2004. Изд. 2-е, доп. 432 с.
4. *Гусейнов А. Г.* Кубачи и кубачинцы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000. 280 с.
5. *Дандамаева З. Э.* Деятельность Алибека Тахо-Годи по становлению и развитию дагестанского краеведческого музейного дела // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 7–14.
6. *Иванов А. А.* О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи / сост. А. А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 164–194.
7. *Иерусалимская А. А., Иванов А. А.* Отдел Востока Государственного Эрмитажа // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М.: Искусство, 1990. 368 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://archaeologysa.su/?p=527> t (дата обращения: 15.10.2020).
8. Искусство Кубачи в Эрмитаже. Проект издательского гранта на конкурс Фонда Президентских грантов. Направление «Поддержка проектов в области культуры и искусства». 2017 г. / Дагестанская региональная общественная организация: Информационно-аналитический центр «Ракурс». [Электронный ресурс] // URL: [https:// Президентские гранты. РФ](https://Президентские%20гранты.РФ)
9. *Изабакарова Л. К.* Личный архив.
10. *Карташова М. В.* Кустарные музеи Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 18–26.
11. *Кильчевская Э. В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962. 84 с.
12. Коллекции Кавказского музея: в 6 т. Т. V. Археология / сост. графиня Уварова. Издание Г. И. Радде. Тифлис, 1902. С. 198, 199. [Электронный ресурс] // URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*= (дата обращения 15.02.2021).
13. *Крыжановская М. Я.* Франциско Паллас и его работы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока: сб. статей. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1985. С. 197–202.
14. *Магомедов А. Дж.* Город мастеров / науч. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Наука-ДНЦ, 2011. 246 с.
15. *Магомедов А. Дж.* Названия женских украшений, драгоценных камней и художественных тканей у кубачинцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: материалы и исследования / сост. и отв. ред. К. Ш. Микаилов. Махачкала, 1984. С. 127–134.
16. *Маммаев М. М.* Вопросы художественной культуры Дагестана в трудах И. А. Орбели // Художественная культура средневекового Дагестана: сб. статей. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1987. С. 19–36.
17. *Орбели И. А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы XII–XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 301–326.
18. Развитие музейного дела в 1920–1930-е гг. [Электронный ресурс] // URL: https://vuzlit.ru/495776/razvitie_muzeynogo_dela_1920_1930 (дата обращения: 8.11.2020).
19. *Ханукаев Р. С.* Персидские фаянсовые изделия. СПб.: Переплетный центр, 2015. 256 с.
20. *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л.: ИЭ АН СССР, 1949. 223 с.
21. *Шлыкова Т. В.* Искусство иранской «кубачинской» керамики в контексте истории бытования и реставрации памятников. СПб., 2010. 233 с.
22. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 13 А (26). СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1894. С. 481–960.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Кубачинцы в доме парижского коллекционера. Хозяин слева. Начало XX в.

Поступила в редакцию
15.01.2020.

Магомедов Амирбек Джалилович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: amirbek.49@mail.ru

Magomedov Amirbek Dzhililovich, Doctor of History, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: amirbek.49@mail.ru

Дагирова Джамиля Арслангереевна, заместитель генерального директора по научной работе Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи;
e-mail: mastihini@mail.ru

Dagirova Dzhamilya Arslangereevna, Deputy Director General for Research of the National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Taho-Godi;
e-mail: mastihini@mail.ru